

УДК 343.8: 341.491

[https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3\(48\)/65-75](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3(48)/65-75)

П. В. Тепляшин

КОНЦЕПЦИЯ «ДВУХ ЕВРОП»: ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье рассмотрена концепция «двух европейских государств» в контексте различий пенитенциарной политики Совета Европы и Европейского союза. Установлено, что широкая практика правозащитных инициатив Совета Европы, дополняемая пилотными судебными решениями Европейского суда по правам человека и применением принципа субсидиарности, является для данной международной организации неотъемлемым трендом ее современной пенитенциарной политики.

Европейский союз оказывает влияние на корректировку европейской пенитенциарной практики посредством программы «Горизонтальный механизм» и путем применения принципа взаимного признания. Также этому способствует рост объемов финансирования Европейской Комиссией программ в области уголовного правосудия и активности Суда Европейского союза по реализации положений Хартии основных прав Европейского союза. Обнаружено, что доводы Европейского парламента в пользу создания удовлетворительных условий в европейских тюрьмах сводятся к необходимости судебного сотрудничества и повышению эффективности пенитенциарных учреждений по профилактике повторных правонарушений, тогда как Совет Европы ориентируется на права личности, поощряет идеи персональной защиты прав осужденных и их социальной реинтеграции.

Делается вывод о том, что концепция «двух Европ» является моделью интеграционных отношений между политическим объединением государств в решении непростых задач современной пенологии, что имеет значительную практическую ценность для развития международных отношений Российской Федерации.

Ключевые слова: «враждебная пенология»; Дублинский регламент; Европейская организация тюрем и исправительных учреждений; европейская тюремная политика; лишение свободы; пенитенциарные стандарты; «тюрьмы-близнецы».

Для цитирования: Тепляшин П. В. Концепция «двух Европ»: пенитенциарная политика интеграционных отношений Совета Европы и Европейского союза // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3 (48). С. 65–75. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3\(48\)/65-75](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3(48)/65-75).

P. V. Teplyashin

THE CONCEPT OF «TWO EUROPEES»: PENITENTIARY POLICY OF INTEGRATION RELATIONS OF THE COUNCIL OF EUROPE AND THE EUROPEAN UNION

The article considers the concept of «two European states» in the context of the differences in the penitentiary policy of the Council of Europe and the European Union. It is established that the broad practice of human rights initiatives of the Council of Europe, supplemented by pilot judicial decisions of the European Court of Human Rights and the application of the principle of subsidiarity, is an integral trend of its modern penitentiary policy for this international organization.

The European Union influences the adjustment of European penitentiary practice through the «Horizontal Facility» program and through the application of the principle of mutual recognition. This is also facilitated by the increase in the amount of funding by the European Commission for criminal justice programs and the activity of the Court of Justice of the European Union in implementing the provisions of the Charter of Fundamental Rights of the European Union. It is found that the arguments of the European Parliament in favor of creating satisfactory conditions in European prisons are reduced to the need for judicial cooperation and improving the effectiveness of penitentiary institutions for the prevention of repeated offenses, while the Council of Europe focuses on the rights of the individual, encourages the ideas of personal protection of the rights of convicts and their social reintegration.

It is concluded that the concept of «two Europes» is a model of integration relations between the political union of states in solving the difficult tasks of modern penology, which has significant practical value for the development of international relations of the Russian Federation.

Keywords: «enemy penology»; Dublin Regulations; The European Organisation of Prison and Correctional Services; European prison policy; deprivation of liberty penitentiary standards; «Twin Prisons».

For citation: Teplyashin P. V. The concept of «two Europes»: penitentiary policy of integration relations of the Council of Europe and the European Union. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2021, no. 3 (48), p. 65–75. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3\(48\)/65-75](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3(48)/65-75).

Изучение европейской пенологии не является «данностью» для отечественных исследователей, но выступает выражением свободной научной воли тех из них, кто понимает квинтэссенцию теоретической и практической результативности такого анализа, осознает на этой почве перспективность отечественной школы уголовно-исполнительного права, прогнозирует ценность российского опыта обращения с осужденными для мировой пенитенциарной практики. При этом действительно непростые взаимоотношения Российской Федерации с европейским консолидированным поли-

тико-правовым континуумом диктуют потребность извлечения информации о подлинных процессах, протекающих в различных областях европейской интеграции. Особый научный интерес представляет информация в области европейской пенитенциарной интеграции, поскольку именно данная сфера выступает репрезентативным индикатором итоговой результативности европейской идеологии сдерживания преступности.

Постановка проблемы заключается в том, что в настоящее время Европейский союз становится все более важным актором международного пенитенциарного

права. Одновременно с этим наблюдается процесс постепенного расхождения между Советом Европы и Европейским союзом в их подходах к уголовной и пенитенциарной политике: последний менее сосредоточен на правах человека, чем Совет Европы, но в большей степени озабочен гармонизацией уголовного законодательства, правами граждан, иммиграционной и контртеррористической политикой. Подобные расхождения экстраполируются и на европейские страны. В результате можно говорить о существовании концепции «двух европейских государств» (иначе — «двух Европ») в контексте анализа основных изменений европейской тюремной политики.

Изучение данной концепции носит не только гносеологический исследовательский характер, но и представляет практическую ценность для отечественной уголовно-исполнительной политики. Ведь одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Концепция) предусмотрено совершенствование правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права. Также в Концепции закреплено, что изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. Следовательно, необходимо понимать содержание международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права, вектор развития общеевропейского пенитенциарного континуума и вероятные проблемы, с которыми предстоит столкнуться. Так, согласно Концепции расширение и укрепление международного сотрудничества предусматривает активизацию участия Федеральной

службы исполнения наказаний в мероприятиях, проводимых под эгидой, в частности, Европейской организации тюрем и исправительных учреждений, которая имеет тесную аффилиацию с Европейским союзом, тогда как Российская Федерация является членом Совета Европы. На сайте данной организации указано, что Европейская организация тюрем и исправительных учреждений (EuroPris) облегчает коммуникацию между национальными пенитенциарными учреждениями, поощряет сотрудничество и обмен информацией для решения многих практических, уникальных (и часто трудных) проблем, с которыми сталкиваются сотрудники в своей повседневной профессиональной работе (см. *EuroPris. Promoting professional prison practice.*

<https://www.europris.org/about/become-a-member>). Соответственно, в случае если ФСИН России будет осуществлять сотрудничество с данной организацией либо станет ее членом, то понимание особенностей европейской пенитенциарной конъюнктуры и тюремной практики является насущной потребностью и частью мер, направленных на развитие научного потенциала отечественной уголовно-исполнительной системы.

Итак, Совет Европы стремится укреплять демократию, права человека и верховенство закона на европейском пространстве посредством комплексной реализации мониторинговой (превентивной), судебной и политической деятельности. Можно сказать, что данная деятельность стала носить «наступательный» и осязаемый характер с 1989 г., в котором начинает ратифицироваться (сначала только семью странами-членами Совета Европы) Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, которая предусмотрела внесудебный механизм по предупреждению жестокого обращения с лицами, изолированными от общества. В основе этого механизма лежит посещение отдельных государств

членами Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее — КПП).

Рассматриваемая деятельность Совета Европы опирается на положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). В 1998 г. Протокол 11 («О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией») расширил роль Конвенции до полноправного квазиконституционного суда с Большой палатой, которая выносит руководящие решения, применимые к другим аналогичным ситуациям (также функционируют отдельные палаты, которые выносят основную часть решений). В свою очередь полномочия Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) еще более возросли с введением в 2004 г. экспериментальной процедуры вынесения решений, которая позволяет ЕСПЧ выносить решения по повторяющимся делам, связанным с грубыми нарушениями прав человека, вызванными системными или структурными нарушениями на национальном уровне (Резолюция Res (2004)3). В этой связи процедура так называемого пилотного судебного решения обязывает национальные государства представлять Комитету министров планы действий, с подробным описанием законодательных и организационных мер, принятых этими государствами для преодоления проблем, сопряженных с грубыми нарушениями прав человека. Нельзя обойти вниманием тот факт, что ряд пилотных решений был вынесен в отношении ненадлежащего функционирования российской уголовно-исполнительной системы (например, решение 2012 г. «Ананьев и другие против России» [Ananyev and Others v. Russia] (жалобы № 42525/07 и 60800/08), решение 2019 г. «Томов и другие против России» [Tomov and Others v. Russia] (жалобы № 18255/10, 63058/10, 10270/11, 73227/11, 56201/13 и 41234/16)). Кроме того, необходимо заметить, что прецедентное право ЕСПЧ

уже достаточно сильно зависит от отчетов, подготавливаемых КПП, тем самым укрепляя превентивную роль мониторинговой деятельности Совета Европы. Как результат, процедура пилотных судебных решений позволила Совету Европы более активно продвигать либеральные представления о правовом статусе личности в национальных пенитенциарных практиках (для обзора см.: *Council of Europe. Promoting more humane and socially effective penal sanctions.* <https://www.coe.int/en/web/prison/home>).

Риторика принимаемых решений ЕСПЧ далеко вышла за пределы конкретных фактов нарушений прав лиц, изолированных от общества, и во многом, основываясь на идеях теории «глобальной справедливости» и принципе субсидиарности, уже охватывает национальную идеологию правовой регламентации обращения с осужденными. Как справедливо отмечает В. А. Уткин, «предметом разбирательства Европейского суда, в отличие от предыдущих дел, стали уже не “вопросы факта”, а “вопросы права”. Иными словами, прозвучал “тревожный звонок” и законодателю... показательна тенденция к переоценке ряда принципиальных положений отечественного уголовно-исполнительного законодательства в части подходов к определению статуса осужденных и дифференциации режима отбывания наказания» [2, с. 27–28]. В практике работы ЕСПЧ все чаще постулируется, что переполненность исправительных учреждений приводит к бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению с осужденными, а их реабилитация и реинтеграция является такой же важной целью наказания, как возмездие и профилактика. Например, пожизненные приговоры, не предоставляющие отбывающим им лицам реальной перспективы освобождения, считаются унижающими человеческое достоинство наказанием. В этом в какой-то степени обнаруживается преторианский характер деятельности Совета Европы, выражающийся в постепенном

расширении влияния данной международной организации на необходимость государств корректировать свое национальное законодательство. Не случайно В. И. Селиверстов пишет: «Применительно к стандартам Европы существует практика превращения норм-рекомендаций в обязательные установления. И эта практика уже коснулась России» [1, с. 235]. Среди зарубежных исследователей также распространено мнение о расширении процесса судебного контроля со стороны Совета Европы над функционированием национальных пенитенциарных систем и методами обращения с осужденными как динамично распространяющейся тенденции европейской пенологии [4, р. 19–35; 13, р. 419–421; 14, р. 78–90; 10, р. 1, 17]. В частности, Г. Кликенуа с соавторами, исследуя влияние решений ЕСПЧ на национальное пенитенциарное законодательство государств-членов Совета Европы и основываясь на анализе доктринальных источников, указывают: «Судебные решения получили большое значение и влияние на формирование режима тюремных учреждений... заставили пересмотреть отношение к правам осужденных, легитимности принуждения и внесли вклад в улучшение условий содержания, а также безопасности заключенных» [6, р. 9], налагаемые на государства-члены обязательства постепенно приводят к трансформациям в юридической, административной и судебной сферах, а также изменениям в национальном уголовном и тюремном законодательстве, направленных на расширение прав лиц, изолированных от общества [5, р. 124–129].

Вышеуказанная работа дополняется и другими инициативами Совета Европы. Например, нельзя обойти вниманием проект «тюрем-близнецов», в рамках которого исправительные учреждения скандинавских и прибалтийских стран осуществляют обмен своего тюремного персонала. В этой связи зарубежные исследователи отмечают: «Тюремные системы стран Балтии и других стран

бывшего Восточного блока страдают от наследия советских тюремных режимов и культуры персонала, в рамках которой вооруженные сотрудники тюрем для обеспечения безопасности в основном полагались на принуждение и не имели регулярных контактов с заключенными. Идея проекта заключается в том, что отношения “лицом к лицу” между сотрудниками тюрем будут способствовать формированию нового отношения к заключенным в странах Балтии, которое будет соответствовать европейским стандартам в области пенологии и прав человека» [7, р. 14]. Также можно привести участие начиная с 2009 г. Европейского банка социального развития (Europe Development Bank) в модернизации пенитенциарной инфраструктуры в странах Центральной и Восточной Европы, которая ориентирована на правозащитный подход к управлению тюрьмами и соблюдение Европейских тюремных правил (*The social development bank for Europe (CEB). Projects approved by the Administrative Council. URL: <https://coebank.org/en/project-financing/projects-approved-administrative-council>*).

Все эти меры во многих государствах-членах Совета Европы стали постепенно приводить к декриминализации некоторых преступлений (причем в результате пилотного решения ЕСПЧ от 08.01.2013 «Торреджани и другие против Италии» [Torreggiani and Others v. Italy] (жалоба № 43517/09 и др.) были декриминализованы даже некоторые наркопреступления [*sic!*]), улучшению условий содержания в тюрьмах, диверсификации типов исправительных учреждений, расширению общественных санкций и практики досрочного освобождения, снижению сроков лишения свободы и содержания под стражей, падению общей численности лиц отбывающих тюремное заключение и содержащихся под стражей (мера пресечения). Например, если в Германии общая численность заключенных в 2000 г. составляла 70252 человек, то по состоянию на 30 июня

2020 г. — 57600, в Португалии — 12944 и 1588 (по состоянию на 1 июля 2021 г.), Эстонии — 4712 и 2272 (по состоянию на 19 июля 2021 г.). Хотя можно наблюдать и диаметрально противоположный процесс, который является больше «исключением из правила» и обусловлен сильными внутринациональными особенностями уголовной и пенитенциарной политики, базирующейся на идеях «нелиберальной демократии». В качестве примера можно привести Турцию, где в 2000 г. насчитывалось 49512 заключенных, тогда как по состоянию на июль 2020 г. — уже 281094. Менее умеренный рост численности заключенных наблюдается во многих государствах, охватываемых восточно-европейским типом пенитенциарных систем (в частности, в Албании, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Польше, Сербии, Словении, Словакии) (*World Prison Brief. Europe*. URL: <https://prisonstudies.org/map/europe>). Здесь можно обратить внимание на выявленную закономерность, заключающуюся в том, что снижения тюремного населения не наблюдается в тех государствах, которые характеризуются значительным числом неисполненных решений ЕСПЧ, принятых в отношении этих стран (в частности, Греция, Италия, Польша, Турция).

Можно резюмировать, что широкая практика правозащитных инициатив Совета Европы является для данной международной организации важным трендом ее современной пенитенциарной политики. Для действительного понимания данного тренда целесообразно рассмотреть роль Европейского союза в формировании пенитенциарной практики и идеологии европейских государств.

Европейский союз достаточно ощутимо начинает оказывать влияние на корректировку европейской пенитенциарной практики с 2017 г., когда стартовала реализация программы «Горизонтальный механизм» («Horizontal Facility»), выступающей одним из результатов Заявления о намерениях, подписанного 1 апреля 2014 г. Генеральным

секретарем Совета Европы и Комиссаром Европейского союза по вопросам расширения европейской политики соседства, и ориентированной на внедрение положений стратегии «Обеспечение справедливости» в работу исправительных учреждений Албании, Боснии и Герцеговины, Черногории, Сербии, Косово, Македонии (*European Commission. European Neighbourhood Policy And Enlargement Negotiations. Multi-beneficiary and horizontal programmes*. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/glossary/terms/multi-beneficiary-programme_en).

В свою очередь Генеральный директорат по вопросам правосудия и потребителей Европейской Комиссии финансирует растущее число программ в области уголовного правосудия и прав человека для укрепления прецедентного права ЕСПЧ и стандартов КПП в европейских государствах, недостаточно лояльных к внедрению квазилиберальных пенитенциарных нововведений.

Кроме того, Европейский союз развивает потенциал влияния на уголовную политику своих государств-членов посредством реализации принципа взаимного признания, с помощью которого формируется интеграционное пенитенциарное право Европы. В результате наращивается юридическая практика принятия иностранного акта государства (выдающего акт) с признанием юридической позиции по вопросам тюремного права, созданной этим актом. К таким актам можно отнести, в частности, рамочные решения о передаче заключенных в пределах Европейского союза (FD 2008/909/ЈНА), о постановлениях испытательного срока и других видов альтернативных санкций (FD 2008/947/ЈНА), о мерах надзора, альтернативных предварительному заключению (FD 2009/829/ЈНА). Данные документы направлены на агрегирование европейской пенитенциарной практики и отражают презумпцию того, что между государствами-членами Европейского союза существует взаимное доверие по опре-

деленным вопросам исполнения уголовных наказаний. Однако Р. Хофманн и Х. Нелен отмечают, что механизм передачи заключенных между странами (в частности, между Нидерландами, Бельгией и Германией) имеет много недостатков (например, не решена роль жертвы преступления в решении вопроса о передаче осужденного для отбывания наказания в другую страну, не стандартизированы подходы к реализации программ реабилитации и психиатрической помощи в различных государствах-членах Европейского союза) и еще работает не на полную мощность, хотя обладает значительными возможностями по регулированию наполняемости исправительных учреждений и решению некоторых миграционных проблем [8, р. 398–399]. Не случайно Нидерланды являются третьей страной Европейского союза (после Норвегии и Великобритании), в которой в 2014 г. была открыта тюрьма для криминальных мигрантов и заключенных-иностранцев. Исследование, проведенное Д. Брауэром, показывает наличие существенного объема задач, которые приходится решать как персоналу тюрьмы, так и самим осужденным [3, р. 703–722].

Суд Европейского союза также усиливает свою роль в регулировании сферы исполнения уголовных наказаний. Так, с 2015 г. данный орган стал активно ссылаться на положения ст. 4 «Запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающего достоинство обращения и наказания» и ст. 6 «Право на свободу и личную неприкосновенность» Хартии основных прав Европейского союза, что расширило его роль в области основных прав человека не только за счет расширения набора положений о правах, которые он уполномочен обеспечивать, но и за счет расширения сферы юрисдикции в отношении новых областей правоты действительности — миграция, убежище, неприкосновенность частной жизни, безопасность, терроризм и условия тюремного заключения. В частности, Суд Европейского со-

юза запрещает передачу осужденного из одного государства-члена в другое или обязывает вернуть данное лицо, если условия содержания под стражей либо в исправительном учреждении принимающего государства ущемляют достоинство и основные права человека, тем самым приближая свое прецедентное право к юридической практике ЕСПЧ. Однако данный подход часто не действует в случае применения Дублинского регламента (суть которого сводится к рассмотрению прошения о предоставлении убежища страной, через которую соискатель международной защиты въехал в Европейский союз, практически без учета пожеланий мигрантов, которые хотят поселиться в другом месте) к мигрантам, осужденным судом любого государства Евросоюза к тюремному заключению, которое он обязан отбывать в так называемой «стране первого прибытия», даже если он там может столкнуться с жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием. Фактически осужденные лица, не являющиеся гражданами страны, в которой они совершили преступление, теперь могут быть высланы в «страну первого прибытия», несмотря на то, что они трудоустроились, вышли замуж (женились), завели детей в государстве, из которого они депортируются. Здесь можно утверждать, что Европейский союз осуществляет в первую очередь защиту прав граждан, а не как Совет Европы — прав человека.

На этом фоне отметим, что судебная власть Европейского союза обладает более значительным потенциалом и информативным действием, нежели чем существующие возможности законодательной власти. Соответственно, доводы Европейского парламента в пользу создания удовлетворительных условий в европейских тюрьмах по-прежнему сводятся в основном к необходимости судебного сотрудничества и повышению эффективности пенитенциарных учреждений по профилактике повторных правонарушений, но на права личности

ориентированы уже по остаточному принципу.

Реальность террористических угроз привели Европейский совет к принятию в 2019 г. мер по противодействию радикализации в тюрьмах: создание специализированных и многопрофильных подразделений, отвечающих за противодействие насильственному экстремизму и радикализму в исправительных учреждениях, внедрение специальных мер безопасности и режимов сегрегации (изолированных тюремных режимов) для осужденных за преступления террористической направленности.

Применительно к задачам реинтеграции (реабилитации) осужденных приоритет Европейской комиссии и прецедентных решений Суда Европейского союза отдается обеспечению взаимного соблюдения уголовного законодательства, сдерживанию (профилактики повторных правонарушений) и реализации принципа взаимного признания, что, как отмечается в специальных исследованиях, обходит интересы осужденных лиц в доступе к реабилитационному обращению с ними [7, р. 24]. Суд Европейского союза подходит к реабилитации осужденного в первую очередь с точки зрения заинтересованности европейского государства в сокращении числа повторных правонарушений, тогда как ЕСПЧ рассматривает реабилитацию как индивидуальное право осужденного лица, связанное с человеческим достоинством и иными основными ценностями личности. В результате редуccionистская политика Совета Европы далеко не всегда находит отражение в инициативах Европейского союза по борьбе с преступностью. Думается, что такие отличия выступают частными скриптами, очерчивающими фарватер пенитенциарной политики Европейского союза и Совета Европы.

Таким образом, компетенция Европейского союза в области пенитенциарной идеологии опирается на идеи «свободы, безопасности и правосудия», т. е. на более широкий набор идеалов внут-

риевропейской кооперации, нежели чем Совет Европы, деятельность которого «заточена» на права человека. Как представляется, в этом заключается краеугольное отличие между «двумя Европами». Именно данная «корневая» особенность подчеркивает концептуальные расхождения рассматриваемых акторов европейской пенитенциарной политики и правоприменительной тюремной действительности. Так, в законодательстве и прецедентном праве Европейского союза стало устоявшейся практикой, как указывается и некоторыми авторами, постулировать, что государства-члены должны применять наказание за нарушения «эффективными, соразмерными и сдерживающими» санкциями, результативность которых выражается в возмездии и сдерживании, тогда как Совет Европы поощряет идеи персональной защиты прав осужденных и их социальной реинтеграции [9, р. 681–682, 686; 11, р. 229–232].

Современные пенитенциарные системы находятся между двумя юрисдикциями — национальной и международной. Соответственно, существует двухуровневый подход к уголовному правосудию. Однако можно наблюдать усиление процессов как глобализации, так и национализма — например, в части создания специализированных исправительных учреждений для иностранных граждан и формирование, как отмечается в специальных исследованиях, «враждебной пенологии» («enemy penology» [12, р. 78]). В этих условиях на европейском пространстве создается уникальная юрисдикционная конструкция, охватывающая несколько уровней — от внутринациональных интегративных социально-правовых пространств (например, федеральные земли Германии) — до пенитенциарных юрисдикций «двух Европ».

Рассмотренное различие в подходах «двух Европ», к сожалению, может быть использовано так называемыми национальными «популистскими режимами», которые способны наращивать соб-

ственную свободу усмотрения в разрешении как тактических, так и стратегических вопросов, появляющихся в процессе исполнения уголовных наказаний, чтобы избежать реализации весьма размытой европейской пенитенциарной политики. Уже не секрет, что многие решения ЕСПЧ и мониторинговая деятельность КПП воспринимается некоторыми правительствами как в странах с консолидированной демократией, так и в новых демократиях Восточной Европы как приводящие к слишком большому вмешательству в их национальную пенитенциарную политику.

Таким образом, рассмотрение концепции «двух Европ» в европейской пе-

нитенциарной политике — это исследование не только соответствующего среза взаимодействия между Советом Европы и Европейским союзом, но и анализ определенной модели интеграционных отношений между политическим объединением государств в решении непростых вопросов современной международной пенологии. Данная модель отношений представляет как научный интерес, так и значительную практическую ценность для развития интеграционных отношений Российской Федерации в рамках различных международных организаций.

Литература

1. Селиверстов, В. И. Перспективы тюремного содержания осужденных в свете национальных интересов России, зарубежного опыта и международных стандартов // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. — 2018. — № 3. — С. 229–238.
2. Уткин, В. А. Режим лишения свободы и правовой статус осужденных: между карой и безопасностью // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2018. — № 4. — С. 27–28.
3. Brouwer, J. Bordered penalty in the Netherlands: The experiences of foreign national prisoners and prison officers in a crimmigration prison // *Punishment & Society*. — 2020. — V. 22. — I. 5. — P. 703–722.
4. Caputo, G., Ciuffoletti, S. Journey to Italy: The European and UN monitoring of Italian penal and prison policies // *Crime, Law & Social Change*. — 2018. — V. 70. — I. 1. — P. 19–35.
5. Cliquennois, G, Herzog-Evans, M. European monitoring of Belgian and French penal and prison policies // *Crime, Law and Social Change*. — 2018. — V 70. — I. 1. — P. 113–134.
6. Cliquennois, G., Snacken, S. European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon? // *Crime, Law and Social Change*. — 2018. — V. 70. — I. 1. — P. 1–18.
7. Cliquennois, G., Snacken, S., Smit, D. Van Z. Can European human rights instruments limit the power of the national state to punish? A tale of two Europes // *European Journal of Criminology*. — 2021. — V. 18. — I. 1. — P. 11–32.
8. Hofmann, R., Nelen, H. Cross-border cooperation in the execution of sentences between the Netherlands, Germany and Belgium: an empirical and comparative legal study on the implementation of EU framework decisions 2008/909/JHA and 2008/947/JHA // *Crime, Law and Social Change*. — 2020. — V. 74. — P. 381–404.
9. Martufi, A. The paths of offender rehabilitation and the European dimension of punishment: New challenges for an old ideal // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. — 2019. — V. 25. — I. 6. — P. 672–688.
10. *Monitoring Penal Policy in Europe* / ed. Gaëtan Cliquennois, Hugues de Suremain. — London: Imprint Routledge, 2017. — 202 p.

11. Montaldo, S. Offenders' Rehabilitation: Towards a New Paradigm for EU Criminal Law? // *European Criminal Law Review*. — 2018. — V. 8. — I. 2. — P. 223–243.
12. Mulgrew, R. The role of oversight in foreign-national only prisons: Counteracting the disapplication of rehabilitation // *Crime, Law and Social Change*. — 2018. — V. 70. — I. 1. — P. 77–92.
13. Oldenburg, C. E., Perez-Brumer, A. G., Reisner, S. L., Mayer, K. H., Mimiaga, M. J., Hatzenbuehler, M. L., Bärnighausen, T. Human rights protections and HIV prevalence among MSM who sell sex: Cross-country comparisons from a systematic review and meta-analysis // *Global Public Health*. — 2018. — V. 13. — I. 4. — P. 414–425.
14. *Privatising Punishment in Europe?* / ed. Tom Daems, Tom Vander Beken. — London: Imprint Routledge, 2018. — 200 p.

References

1. Seliverstov V.I. Perspektivy tyuremnogo sodержaniya osuzhdennykh v svete natsional'nykh interesov Rossii, zarubezhnogo opyta i mezhdunarodnykh standartov [Prospects of convicts' imprisonment in relation to Russia's national interests, European experience and international standards]. *Vestnik MGLU. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki [MSLU Bulletin. Education and pedagogical sciences]*, 2018, no. 3, p. 229–238.
2. Utkin V.A. Rezhim lisheniya svobody i pravovoy status osuzhdennykh: mezhdunarodnyye i bezopasnost'yu [The mode of imprisonment and the legal status of the sentenced: between penalty and safety]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye [Penal execution system: law, economics, management]*, 2018, no 4, p. 27–28.
3. Brouwer J. Bordered penalty in the Netherlands: The experiences of foreign national prisoners and prison officers in a crimmigration prison. *Punishment & Society*, 2020, vol. 22, iss. 5, p. 703–722.
4. Caputo G., Ciuffoletti S. Journey to Italy: The European and UN monitoring of Italian penal and prison policies. *Crime, Law & Social Change*, 2018, vol. 70, iss. 1, p. 19–35.
5. Cliquennois G., Herzog-Evans M. European monitoring of Belgian and French penal and prison policies. *Crime, Law and Social Change*, 2018, vol. 70, iss. 1, p. 113–134.
6. Cliquennois G., Snacken S. European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon? *Crime, Law and Social Change*, 2018, vol. 70, iss. 1, p. 1–18.
7. Cliquennois G., Snacken S., Smit D. Van Z. Can European human rights instruments limit the power of the national state to punish? A tale of two Europes. *European Journal of Criminology*, 2021, vol. 18, iss. 1, p. 11–32.
8. Hofmann R., Nelen H. Cross-border cooperation in the execution of sentences between the Netherlands, Germany and Belgium: an empirical and comparative legal study on the implementation of EU framework decisions 2008/909/JHA and 2008/947/JHA. *Crime, Law and Social Change*, 2020, vol. 74, p. 381–404.
9. Martufi A. The paths of offender rehabilitation and the European dimension of punishment: New challenges for an old ideal. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2019, vol. 25, iss. 6, p. 672–688.
10. *Monitoring Penal Policy in Europe* / ed. Gaëtan Cliquennois, Hugues de Suremain. London, Imprint Routledge, 2017. 202 p.
11. Montaldo S. Offenders' Rehabilitation: Towards a New Paradigm for EU Criminal Law? *European Criminal Law Review*, 2018, vol. 8, iss. 2, p. 223–243.
12. Mulgrew R. The role of oversight in foreign-national only prisons: Counteracting the disapplication of rehabilitation. *Crime, Law and Social Change*, 2018, vol. 70, iss. 1, p. 77–92.

13. Oldenburg C. E., Perez-Brumer A. G., Reisner S. L., Mayer K. H., Mimiaga M. J., Hattenbuehler M. L., Bärnighausen T. Human rights protections and HIV prevalence among MSM who sell sex: Cross-country comparisons from a systematic review and meta-analysis. *Global Public Health*, 2018, vol. 13, iss. 4, p. 414–425.
14. *Privatising Punishment in Europe?* / ed. Tom Daems, Tom Vander Beken. London, Imprint Routledge, 2018. 200 p.

Сведения об авторе

Павел Владимирович Тепляшин: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, доктор юридических наук, доцент.
E-mail: pavlushat@mail.ru

Information about the author

Pavel V. Teplyashin: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Krasnoyarsk, Russia), professor of the Chair of Penal Law and Criminology, doctor of law, associate professor.
E-mail: pavlushat@mail.ru